

О. Д. Попова

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ДУХОВНО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В статье анализируется политика Советской власти в 1918 г. по отношению к духовно-учебным заведениям Русской православной церкви. Проанализированы первые декреты Советской власти по вопросам образования и процесс взаимодействия РПЦ с новой властью по сохранению деятельности духовно-учебных заведений. Показан процесс ликвидации учебных заведений РПЦ.

О. Попова

SOVIET POWER AND RELIGIOUS EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

The article is devoted to the policy of the Soviet authorities in 1918 in relation to religious educational institutions of the Russian Orthodox Church. The author analyses the first laws of the Soviet authorities on education and demonstrates the attempts of the Russian Orthodox Church to maintain the activity of religious educational institutions. The process of liquidation of educational institutions of the Russian Orthodox Church is shown.

В истории нашей страны 1917 г. стал переломным — с этого года началось установление новой государственной власти, называемой диктатурой пролетариата. При этой власти совершенно по-другому предусматривалось существование довольно мощной и, главное, обязательной в политической системе дореволюционной России структуры — Русской православной церкви (РПЦ). В ведении РПЦ находились не только монастыри, приходы, типографии, но и довольно разветвленная система духовно-учебных заведений. Мальчики получали образование в духовных училищах и духовных семинариях, девочки — в женских училищах для дочерей духовенства (женских епархиальных училищах и женских училищах духовного ведомства). Высшими учебными заведениями РПЦ являлись духовные академии, которые предназначались только для мужской части духовного сословия. Актуальность заявленной темы статьи состоит в том, что в данном случае политика Советской власти по отношению к учебным заведениям является не просто узким вопросом в части только духовно-учебных заведений, а выражает позицию нового государства в сфе-

ре церковно-государственных отношений. Поэтому представляет интерес проследить особенности взаимоотношений церкви и Советской власти по вопросу существования духовно-учебных заведений, а также формы и методы этого взаимодействия. Данная проблема актуальна и для дня сегодняшнего в контексте взаимодействия государства и церкви.

Канун 1917 г. РПЦ встретила в условиях нарастания кризисных явлений, которые ярко проявились и в системе духовно-учебных заведений. Причиной кризиса являлась сословная структура российского общества в условиях нарастания потребностей в гражданском обществе. Духовно-учебные заведения были вынуждены давать образование и тем детям, которые хотят продолжить служение церкви, и тем, кто желал бы применить свои силы в других сферах. Духовные семинарии сочетали в себе как общеобразовательную, так и пастырскую подготовку. Образование дочерей в женских епархиальных училищах носило чисто общеобразовательный характер. Статус духовно-учебного заведения требовал определенного режима и внутреннего распорядка, что не устраивало тех воспи-

танников, которые не собирались связывать свою жизнь с пастырским служением. Все это явилось причиной активных волнений воспитанников в годы первой русской революции, которые не прекратились с завершением революции, и желанием самого духовенства реформировать систему духовного образования. Накануне 1917 г. в среде духовенства активно обсуждались предложения о передачи общеобразовательного курса духовных семинарий и всей системы женских епархиальных училищ в светское ведомство. Однако на заседаниях Поместного Собора 1917–1918 гг. принимается постановление о сохранении системы мужских духовных семинарий и женских епархиальных училищ в ведении РПЦ с последующим их реформированием¹.

События февраля 1917 г. церковь встретила не только в смятении, но и с определенной долей надежды на решение своих проблем. Также она стремилась к конструктивным отношениям с новой властью и после октября 1917 г. Однако новая власть заняла откровенно враждебную позицию, поставив цель освободить человека от религии². И один из первых ударов был направлен против системы духовно-учебных заведений.

Уже 11 декабря 1917 г. Комиссариат народного просвещения принял постановление, в котором говорилось: «передать из духовного ведомства дела воспитания и образования ведению Комиссариата народного просвещения. Передаче подлежат все церковно-приходские школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, академии и другие средние и высшие школы и училища духовного ведомства со штатами и движимым и недвижимым имуществом»³. 23 января 1918 г. был опубликован «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», пункт 9 которого также провозглашал отделение школы от церкви⁴. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных учреждениях не допускалось.

Последний закон соответствовал сложившейся мировой практике и, говоря современным языком, нормам гражданского общества. В ряде стран, в частности во Франции, отделение государства от церкви произошло еще в эпоху буржуазно-демократических революций. В условиях многоконфессиональной России именно отделение церкви от государства могло обеспечить равноправное существование всех церковных организаций, а также право граждан исповедовать любую религию.

Однако новая власть понимала свободу совести весьма своеобразно – не как свободу вероисповедания, а как свободную от всех религий страну, и начала предоставлять эту свободу всем в обязательном порядке. При этом совершенно не учитывался менталитет российского общества, большинство которого не могло представить систему образования без обязательного преподавания вероучения. Поэтому многие восприняли эти два нормативных документа как потрясение основ. Так, настоятель Сухумского кафедрального собора Георгий Голубцов, прибывший на Собор 30 января (12 февраля) 1918 г., в своем дневнике писал, что прочел последний документ с ужасом, особенно на него произвели впечатление строки об отделении школы от церкви: «Нам в Сухуми и в голову не могло прийти, что власть объявившая себя государственной, может издать такой закон!»⁵. Однако «государственная власть» подтвердила свои намерения постановлением от 23 февраля 1918 г. о передаче всех учебных заведений в ведомство Комиссариата народного просвещения «для преобразования учебно-воспитательного дела, в целях объединения и обновления его на началах новой педагогики и социализма»⁶. Для этих целей была создана межведомственная комиссия. 30 мая 1918 г. принимается Декрет об объединении всех учебных и образовательных учреждений и заведений в ведомстве Комиссариата народного просвещения, в соответствии с которым все начальные, средние, высшие, от-

крытые и закрытые общеобразовательные и специальные учебные заведения передавались в ведение этого ведомства⁷. Соответственно все финансы и все имущество должны были перейти в это же ведомство.

Сама же церковь не желала даже мысленно распрощаться с существующей системой учебных заведений. Учебный комитет Св. Синода не только надеялся на сохранение уже существующих заведений, но даже открывал новые. Так, определением Св. Синода от 30 января 1918 г. родилось еще одно епархиальное училище: было разрешено уральскую второклассную школу преобразовать в Уральское женское епархиальное училище⁸. И это через семь дней после публикации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»! Более того, советы учебных заведений как епархиальных училищ, так и духовных семинарий, стремились проводить занятия даже в самых неблагоприятных условиях. Так, в Новгороде здание Новгородской духовной семинарии еще до захвата власти большевиками было занято войсками численностью до 2 тыс. человек. Особенно много неприятностей доставил семинаристам прибывший госпиталь № 106, медицинский персонал которого самолично занял семинарскую больницу. Воспитанники были вынуждены спать на полу, а во время уроков занимались, сидя на окнах и стоя⁹. А известие о захвате власти большевиками и наличие очень плохого хлеба не явилось поводом к беспорядкам и волнениям, как это было бы раньше. 1917/18 учебный год в ряде учебных заведений более или менее сносно, но состоялся.

Хотя было бы неверным утверждать, что воспитанники духовно-учебных заведений совсем старались не замечать изменений, происходивших в стране. Революционный дух проникал в суровые стены духовно-учебных заведений, но уже несколько в другой форме, чем в годы первой русской революции. Так, воспитанница Калужского епархиального училища М. С. Преображенская вспоминает, что новые условия

оказали влияние на поведение воспитанниц. Оно было развязное, самостоятельное, освобожденное от прежней скованности. Новшества были заметны в костюмах и в прическах девочек — нарядные воротнички и форменные платья были перешиты ближе к современным фасонам. Наиболее отважные начали вступать в комсомол. Выборные из числа учениц стали входить в состав педсовета¹⁰. Однако в этой ситуации привычная форма протеста — отказ от занятий — начала уходить в прошлое, поскольку сами занятия оказались под угрозой, и сохраняя их, воспитанники таким способом выражали свое несогласие с политикой новой власти.

Первоначально Советская власть была в принципе не против сохранить в ведении церкви духовно-учебные заведения для профессиональной подготовки священнослужителей в соответствии с соблюдением некоторых положений «Декрета о Свободе совести», который разрешал проведение религиозных обрядов. В начале июня по епархиям циркулярным письмом был разослан указ Святейшего Патриарха, в котором приводилось отношение Комиссара народного просвещения за подписью А. В. Луначарского в Государственную комиссию по просвещению следующего содержания: «Покорнейшее прошу поспешить в рассмотрении вопросов о духовной семинарии и училищ, поскольку таковые являются профессиональными школами для подготовки духовенства. Лично полагаю, что при желании местной общины взять на содержание эти школы препятствий к продолжению их существования независимо от Комиссариата народного просвещения оказываться не должно, здания и инвентарь должны передаваться в ведение местных церковных общин»¹¹. В связи с этим Патриарх предложил на места примерную смету доходов для содержания таких училищ. Источниками средств должны были стать уже существовавшие взносы с церковью и монастырем на духовно-учебные заведения, а также установленный

Собором десятирублевый сбор с каждого пуда свечей и плата за обучение как с духовных, так и с светских учащихся.

Тогда же в епархии был разослан Указ Святейшего Патриарха и Высшего церковного совета, в котором содержался призыв объединить все силы духовного ведомства — епархиальные собрания духовенства и мирян, родительские комитеты, педагогические корпорации, чтобы «оградить духовную школу от посягательства на нее сторонних лиц и учреждений и сохранить ее в прежнем виде»¹². Пока вопрос о судьбе духовно-учебных заведений решался специальной комиссией, распределителем зданий епархиальных женских училищ, мужских духовных училищ и семинарий определялась «вся епархия в лице епархиального собрания духовенства и мирян»¹³. Педагогическому составу и епархиальным собраниям также вменялось защищать здания от их захвата сторонними учебными учреждениями. Для сохранения имущества училищных храмов предлагалось создать приходские общины или братства.

В Нижнем Новгороде первоначально была даже образована секция духовной школы, которая надеялась сохранить духовные учебные заведения. Основанием для надежды послужила телеграмма А. В. Луначарского, посланная на имя Архангельского совета, о приостановлении передачи зданий духовно-учебных заведений в ведение Комиссариата народного просвещения. В связи с этим епархиальное собрание Нижегородской губернии и председатель секции духовной школы обратились с просьбой в Губернский отдел народного образования оставить здания духовно-учебных заведений в ведении духовенства. Однако комиссариат по народному образованию четко дал понять, что намерен точно соблюдать декрет о переходе всякого рода имущества, в том числе и школьных зданий в народное достояние¹⁴.

Кроме юридических и правовых аспектов в те дни не менее важны были и финансовые вопросы. Многие учебные заве-

дения недополучали денежных средств. Например, правление Царскосельского женского училища 26 июня 1918 г. доложило в Учебный комитет, что в 1917/18 учебном году классные занятия в училище вообще не проводились. Воспитанницы занимались дома по указанным программам. Денег не было даже на то, чтобы обязать всех воспитанниц явиться в училище на репетиции и экзамены¹⁵. В Ярославле, чтобы выплатить зарплату учителям женского епархиального училища, совет этого учебного заведения обратился с просьбой к Преосвященному разрешить продать 2 роля, самовары, лишнюю мягкую мебель, а также заложить 31 дюжину серебряных ложек на 5000 руб. с уплатой 500 руб. процентов на полгода¹⁶.

В июле 1918 г. начала работу третья сессия Поместного Собора Российской православной церкви, которая была вынуждена заниматься вопросами духовно-учебных заведений. Некоторые члены Собора пытались наладить отношения с новой властью и добиться права церкви содержать на свои средства профессиональные учебные заведения. С ходатайством возбудить этот вопрос на заседании Государственной комиссии по просвещению обратился к члену комиссии Покровскому делегат от Собора протоирей Агеев. На что комиссия постановила создать специальную комиссию по данному вопросу. 17 июля было рассмотрено ходатайство протоирея Агеева, которое состояло из трех пунктов: 1) о праве церкви организовать учебное дело на автономных началах ввиду того, что лишение церкви школ и возможности иметь образованных пастырей равносильно уничтожению самой церкви, 2) возвращение школьных зданий, изъятых из ведения церкви, 3) сохранение епархиальных женских училищ. После обсуждения вопроса была принята резолюция, в которой говорилось, что церкви должна быть предоставлена возможность подготавливать кадры священников и священнослужителей. Находиться такие учебные заведения согласно резо-

люции должны были, как и все просветительские учреждения, в ведении Комиссариата народного просвещения. Что касается зданий учебных заведений и их имущества, то согласно резолюции они подлежали конфискации на том основании, что «построены они были не только на специальные средства церкви, но и в громадном большинстве случаев на средства общегосударственные, собранные со всего народа без его прямого на то согласия»¹⁷. Учебные помещения могли лишь предоставляться местными органами власти в пользование церкви. Вопрос же о женских епархиальных училищах потонул в потоке обсуждения и не нашел отражения в резолюции. Итак, на данный момент решение комиссии по просвещению соответствовало основным идеям светского государства и независимой церкви. Однако такое лояльное решение этого вопроса не получило полной поддержки у всех членов комиссии, и некоторые предлагали вернуться к обсуждению этого вопроса в расширенном составе комиссии. Еще раз этот вопрос обсуждался 22 июля 1918 г. Однако и на этот раз его сочли мало разработанным. По предложению Шапиро рассмотрение резолюции было отложено до формирования Большой Государственной комиссии, согласно новой Конституции.

24 августа подписывается, а 30 того же месяца публикуется инструкция Наркомюста (НКЮ) «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”». Первоначально для создания этой инструкции была создана довольно представительная межведомственная комиссия, в которую вошли представители семи наркоматов и различных религиозных конфессий. На первый взгляд, такой состав комиссии мог обеспечить демократичное обсуждение и решение всех вопросов в отношениях церкви и государства. Однако большой ее состав, а также упорное отстаивание своих позиций со стороны церкви, которые воспринимались комиссией как «выступление против ос-

новных положений декрета», не привели к плодотворной работе¹⁸. В результате был создан «Отдел по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства», сотрудникам которого и принадлежит авторство данной инструкции. Инструкция вопреки надеждам и ожиданиям полностью ликвидировала какие бы то ни было возможности для существования религиозного воспитания и обучения и сохранения духовно-учебных заведений. В п. 33 инструкции указывалось, что «ввиду отделения школы от церкви преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений ни в коем случае не может быть допущено в государственных, общественных и частных учебных заведениях, за исключением специальных богословских»¹⁹. Итак, если установленный «Декрет о свободе совести» 1918 г. запрет на религиозное образование касался лишь государственных общеобразовательных учреждений и оставлял лазейку для создания частных учебных заведений или для профессиональной подготовки служителей церкви, то теперь инструкция запрещала преподавание вероучения в любых учебных заведениях, кроме богословских. Также п. 34–35 уничтожали финансовую и материальную базу духовной школы: «Все кредиты на преподавание религии в школах должны быть немедленно закрыты и преподаватели религиозных вероучений должны быть лишены всякого рода довольствия. Здания духовных учебных заведений всех вероисповеданий, а также церковно-приходских школ, как народное достояние, переходят в распоряжение местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов или Народного комиссариата просвещения...»²⁰. Данный пункт лишал не только денежного содержания преподавателей и лишал их работы, но и реквизировал в собственность государства учебные здания, многие из которых создавались на средства епархий и на с трудом собираемые пожертвования и взносы. Кроме того, церковь полностью лишалась всего своего имущества. В таких условиях

надежды на сохранение духовных семинарий и епархиальных училищ не оставалось. Это означало фактически их полную ликвидацию.

Появление этого документа коренным образом изменило ход Собора. Вопрос о том, как следует реагировать на этот документ, обсуждался в течение двух последующих недель, причем его обсуждение происходило при закрытых дверях. Ведущий собрания митрополит Арсений попросил присутствующих не распространяться о том, что будет происходить в зале, и даже не обсуждать это в кулуарах²¹. Попытки найти общий язык с новой властью не привели к успеху. Причем эти переговоры очень ясно показали, что она даже не хотела находить этого общего языка. При личных встречах члены СНК, в частности В. Д. Бонч-Бруевич, обещали делегатам от Собора, что все пожелания верующих будут учтены и для выработки инструкции будут приглашены представители от исповедания. Это выполнено не было. Как сделал вывод И. М. Громогласлов, делаясь своими впечатлениями от общения с представителями власти: «Отвечали нам первыми попавшимися словами, видна была полная враждебность к церкви»²².

Инструкция НКЮ стала руководством к действию для Государственной комиссии по просвещению. 24 августа 1918 г., т. е. в день подписания инструкции НКЮ, члены комиссии опять вернулись к обсуждению вопроса о духовной школе. По этому поводу в комиссию опять поступило заявление членов Всероссийского Священного Собора, подписанное Любимовым, Самаринным, Агеевым, Кузнецовым и Громогласловым. Таким образом, обсуждение этого вопроса готовилось еще до подписания инструкции или хотя бы ее публикации, но при принятии решения члены комиссии уже опирались на ее содержание²³. В ходе обсуждения довольно либеральную позицию занял А. В. Луначарский, который высказался за возможность сохранения в ведении церкви именно профессиональ-

ных учебных заведений для лиц старше 16 лет. Он предположил, что можно высчитать сколько необходимо профессиональных учебных заведений для обслуживания церкви, передать им в арендное пользование здания и допустить преподавание в них предметов, которые церковь считает необходимыми, не допуская при этом преподавания общеобразовательных предметов. Не был он и против того, чтобы церковь содержала на свои средства и духовные академии. Что касается вопроса о женских епархиальных училищах, то А. В. Луначарский счел вопрос уже решенным и не требующим обсуждения, поскольку епархиальные училища не давали профессиональной подготовки. В целом Луначарский при решении этого вопроса придерживался такой точки зрения: «Нет ничего пагубнее — создать гонение на церковь, с ней надо бороться орудием создания новой культуры, и она отомрет сама собой»²⁴. Другие докладчики были настроены более решительно. Так, М. Н. Покровский счел, что допустить преподавание общеобразовательных предметов — это насадить гнезда реакции. Также он счел необходимым ограничить число воспитанников, «иначе к ним может набежать многу народу из буржуазных слоев». Он предложил разрешить церкви организовывать лишь краткосрочные пастырские курсы, «не давать ни дома, ни книги, ни рубля»²⁵. Все остальные высказались в основном за разрешение церкви создавать лишь пастырские курсы, поскольку большинство считало, что для того, чтобы стать священником, не требуется многолетнего обучения. В итоге, рассмотрев заявление членов Всероссийского священного Собора, комиссия подтвердила действие п. 33, 34, 35 Инструкции и постановила: «Бывшие духовные учебные заведения, на чьи средства они не содержались, подлежат закрытию, причем учащимся в них обеспечивается продолжение образования в общеобразовательных школах»²⁶. Здания духовно-учебных заведений сохранялись в собственности

государства, местные органы власти должны были ими распорядиться для просветительских целей.

30 сентября 1918 г. публикуется Положение об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в котором еще раз подтверждались положения декрета СНК от 30 мая 1918 года, отменялось подразделение школ на начальные, высшие, гимназии и реальные училища²⁷. Также в этом документе еще раз было подтверждено распоряжение новой власти о ликвидации преподавания в школе вероучения и исполнения религиозных культов. Таким образом, законодательно были уничтожены все условия для существования женских епархиальных училищ и духовных семинарий в том виде, в котором они существовали в дореволюционной России, когда они соединяли в себе общеобразовательную и религиозную подготовку.

Непосредственное закрытие на местах производилось постановлениями губернских народных комиссий. Например, Рязанское епархиальное училище было закрыто постановлением Губернского отдела Народного просвещения от 30 сентября 1918 г., в котором говорилось: «Епархиальное женское училище закрывается. Здание передается Рязанскому учительскому институту»²⁸. В Нижнем Новгороде закрытие духовно-учебных заведений прошло довольно мирно. 5 сентября 1918 г. родительский комитет женского епархиального училища постановил передать епархиальное училище в ведение Комиссариата народного образования²⁹. 23 сентября состоялись педагогические советы Нижегородской духовной семинарии и женского епархиального училища. Собрание педагогов духовной семинарии постановило преобразовать семинарию во вторую ступень единой школы с сохранением 4-го класса и к прежнему первому прибавить снизу еще один класс, в который могут поступать воспитанники гимназий и реальных училищ³⁰.

Однако образование единой трудовой школы на базе бывших духовных учебных заведений шло не так успешно как хотелось новой власти. Прежде переполненные училища и семинарии оказались пустыми. Например, протокол заседания школьного совета Нижегородской Советской 2-й школы, которая образовалась на базе бывшей духовной семинарии, свидетельствовал, что в это учебное заведение было назначено 30 мальчиков и девочек³¹. А вот к учебе приступило значительно меньше детей. Это объяснялось тем, что при духовно-учебных заведениях всегда существовал интернат, который обеспечивал жильем и питанием детей из глубинки и который прекратил свое существование в годы революции. Сыграла свою роль и непривычность совместного обучения.

В других же городах иногда торопили события и с мнением педагогов даже не хотели считаться. Там закрытие духовно-учебных заведений началось еще значительно раньше. Совет Костромского женского епархиального училища в конце июля 1918 г. докладывал в Учебный комитет, что распоряжением Костромского исполнительного комитета епархиальное училище с 10 июля считается закрытым, а имущество конфисковано³². Еще раньше — в начале 1918 г. — здание Тверской духовной семинарии было захвачено большевиками³³.

Нередко были случаи захвата зданий учебных заведений другими ведомствами. Так, отношением Исполнительного комитета Ярославского совета рабочих и солдатских депутатов от 17 марта (по новому стилю) 1918 г. совету Ярославского епархиального училища предписывалось: «Учебные занятия немедленно и совершенно прекратить, ученицам выдать переводные свидетельства, здание освободить под Петроградский Комиссариат путей сообщения к 20 марта нового стиля»³⁴. Путем уговоров и переговоров удалось договориться, что в здании училища останутся 20 учениц 8-го класса. При этом представители новой

власти не хотели слышать никаких доводов инспектора училища и потребовали освобождения здания в категорической форме³⁵.

Захват зданий учебных заведений достиг такого размаха, что данное явление даже стало предметом обсуждения 22 мая 1918 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению. Вопрос был поднят Н. К. Ульяновой (Крупской), которая сообщила на заседании о занятии многих учебных заведений под различные учреждения. Председатель комиссии А. В. Луначарский высказался о необходимости создания на местах комиссий по распределению помещений с представителем от комиссариата просвещения. Штернберг предложил войти с предложением в СНК издать соответствующий приказ, воспрепятствующий занятию учебных заведений без согласования с Комиссариатом народного просвещения³⁶. Следует отметить, что в данном случае дома духовно-учебных заведений стали не просто жертвой целенаправленной борьбы именно с системой духовно-учебных заведений, а оказались в центре революционной стихии, с которой было трудно справиться самой новой власти, которая не до конца контролировала положение на местах.

Хотя ради справедливости надо заметить, что реквизиция учебного здания и занятие его войсками — это не только изобретение власти большевиков. В апреле 1917 г. в помещении Санкт-Петербургского (Петроградского) епархиального училища явились представители маршевой роты одной из воинских частей и член мобилизационного отдела Петроградской городской управы и потребовала освобождение здания для размещения роты 300 солдат. В этом случае Совет училища кинулся искать защиту в лице Св. Синода, на что получил успокоительное письмо за подписью А. Карташева, что «Петроградский военный округ здание Исидоровского епархиального училища под постройкой войск отводить не планирует»³⁷. В этом случае не по-

нятно, или удалось отстоять здание или в данном случае «правая рука не знала, что делает левая».

К сожалению, закрытие духовно-учебных заведений нередко сопровождалось разгромом и разорением их имущества. Например, в Ярославле во время июньского мятежа 1918 г. при обстреле города и начавшихся пожарах лишённые крова и вещей люди лавиной хлынули в здание епархиального училища и разместились на время военных действий в подвальном и нижнем этажах спального корпуса. Количество беженцев, разместившихся в училище, достигло 560 чел.³⁸ Они не только стали пользоваться помещением училища, но и всем его имуществом, водой и дровами. В ночь на 16 июля был совершен полный разгром училищного храма и взломано казначейство. Масла в огонь подлили еще и незаконные реквизиции некоторых училищных вещей со стороны Советской власти: кухонной и столовой посуды, спальных принадлежностей, кроватей и пишущей машинки (последний протокол заседания Совета училища написан от руки)³⁹. К слову заметим, что последняя вещь была одним из частых предметов реквизиций у учебных заведений, поскольку новой власти требовалось оформлять свою документацию. В Нижнем Новгороде в документах Губернского отдела народного образования сохранилась целая переписка об изъятии из учебных заведений пишущих машинок. Этот инструмент был реквизирован из Мариинской гимназии, Нижегородской городской гимназии, Хреновской женской гимназии. Нижегородский губернский отдел народного образования был вынужден даже возбудить общее ходатайство не подвергать сей предмет реквизиции в учебных заведениях⁴⁰. Таким образом, рассчитывать на власть в защите своего имущества не приходилось. Оно могло быть реквизировано в любую минуту по законам революционного времени. Поэтому Совет Ярославского училища принимает решение произвести опись всего оставшегося иму-

щества, передать на хранение в городские храмы наиболее ценные вещи и продать часть запасов во избежание излишних реквизиций.

Имели место погромы и в Петрограде при закрытии Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии. Семинаристов выбрасывали из окон, устраивали костры из книг и икон. А ведь многие семинарии и училища располагали огромнейшим собранием различных книг как богословских, так и учебных. Так, Воронежская духовная семинария располагала крупнейшей библиотекой, третьей по значимости в Российской империи среди библиотек духовных учебных заведений. Новая власть совершенно не заботилась, чтобы сохранить это достояние, несмотря на то, что 17 июля 1918 г. был принят Декрет об охране библиотек и книгохранилищ⁴¹. Во многих городах библиотечный фонд просто выбрасывался на улицу. Известный деятель рязанского края — выпускник Рязанской духовной семинарии — Иван Иванович Проходцов писал в своем дневнике 10 марта 1919 г.: «Фундаментальную библиотеку семинарии в 17 тыс. томов выбросили на улицу. Помещение потребовалось для комфорта под спальни курсантам»⁴². Советская власть не считала эти книги ценностью. Более того, в Рязанской губернии во все Комиссариаты народного просвещения губернии рассылается письмо за подписью Губернского Комиссара народного просвещения В. Шульгина, в котором предписывалось: «немедленно сделать распоряжение по школам об изъятии из школьных библиотек всех книг религиозного характера»⁴³. В январе 1918 г. в здании Новгородской духовной семинарии неоднократно проводились обыски. В результате были обнаружены взломы, многое пропало из физического кабинета⁴⁴. Однако следует заметить, что разгрому и поруганию подверглись не только духовно-учебные заведения. Ограбления церквей, монастырей, убийства служителей алтаря — все это имело место еще до ок-

тября 1917 г. Власть большевиков также никак не пыталась остановить волну насилия и грабежа⁴⁵.

Итак, действия Советской власти в отношении церкви и ее учебных заведений были двойственны. Прежде всего, она отобрала у церкви общеобразовательную функцию — для всех детей была создана единая школа. В целом такой шаг с современных позиций соответствовал нормам гражданского общества. Более того, еще в дореволюционных дискуссиях о реформе духовной школы не раз звучала мысль, что следует отделить пастырское образование от общеобразовательного и передать последнее в ведение Министерства народного просвещения. Что же касается ликвидации обязательного преподавания религиозных дисциплин, то это также соответствовало принципам светского образования. Однако, учитывая православный характер государства, и соответствующий менталитет народа, этот принцип надо было проводить в жизнь очень осторожно и постепенно. Новая власть в своих основных документах заявляла о праве верующих учить своих детей религии частным образом и о праве церкви содержать свои учебные заведения для профессиональной подготовки. На этой же позиции стояли наиболее образованные члены правительства. На деле же она ликвидировала финансовую и материальную базу духовной школы, а революционная стихия завершила уничтожение всей системы духовно-учебных заведений, которая исчезла практически полностью в октябре 1918 г. почти на семьдесят лет. Право верующих обучаться основам религиозной грамотности, а церкви готовить священнослужителей не было осуществлено. Духовные учебные заведения закрывались самым хищническим образом, с разгромом их имущества. В Советском Союзе существовало всего четыре духовные семинарии для подготовки кадров для нужд церкви, женских же учебных заведений, аналогичных женским епархиальным училищам, не было вообще.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р-3431. Ф. Оп. 1. Д. 130. Л. 43; Д. 128. Л. 56.
- ² *Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. — М., 1997. — С. 11.
- ³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства от 24 декабря 1917 года. № 9. Отдел первый. — С. 131.
- ⁴ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти. Т. 1. — М., 1957. — С. 374.
- ⁵ Протоиерей *Георгий Голубцов*. Поездка на Всероссийский церковный Собор. 29 января — 18 апреля 1918 г. Дневник // Российская церковь в годы революции. 1917–1918 гг. — М., 1995. — С. 151.
- ⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства от 14 марта 1918 года. № 28. — С. 353.
- ⁷ Декрет Совета народных комиссаров об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве народного комиссариата по просвещению // Декреты Советской власти. — Т. 2. — М., 1959. — С. 358.
- ⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 11 (1917). Д. 159. Л. 159.
- ⁹ Научный архив Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 133.
- ¹⁰ Фонды музея средней школы г. Калуги № 9: Воспоминания М. С. Преображенской.
- ¹¹ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 575. Оп. 1. Д. 1299. Л. 3 об.
- ¹² ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1299. Л. 7.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Государственный архив Нижегородской области. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 140. Л. 53, 60.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1917). Д. 159. Л. 37.
- ¹⁶ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 570. Оп. 1. Д. 57. Л. 18.
- ¹⁷ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Р-132. Оп. 1. Д. 16. Л. 74.
- ¹⁸ *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. — М., 1958. — С. 111.
- ¹⁹ Постановление Народного Комиссариата Юстиции о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) // Русская Православная церковь в советское время. (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. — М., 1995. Кн. 1. — С. 130.
- ²⁰ Там же. — С. 131.
- ²¹ Священный собор Православной Российской церкви. 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. — М., 2000. — С. 241.
- ²² Там же. — С. 242.
- ²³ ГАРО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 16. Л. 155.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 156.
- ²⁶ ГАРО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 16. Л. 157; Постановление 5-го заседания государственной комиссии по просвещению // Собрание декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. — М., 1919. — С. 28.
- ²⁷ Положение об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Декреты Советской власти. Т. 3. — М., 1964. — С. 214.
- ²⁸ ГАРО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 3. Л. 66.
- ²⁹ Государственный архив Нижегородской области. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 101. Л. 4.
- ³⁰ Государственный архив Нижегородской области. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 101. Л. 11.
- ³¹ Государственный архив Нижегородской области. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 101. Л. 38.
- ³² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1917). Д. 159. Л. 46.
- ³³ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 386. Л. 110 об.
- ³⁴ ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.
- ³⁵ ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 57. Л. 20–20 об.
- ³⁶ ГАРО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 10. Л. 153.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

³⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 1009. Оп. 1. Д. 15. Л. 333.

³⁸ ГАЯО. 570. Оп. 1. Д. 57. Л. 46 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Государственный архив Нижегородской области. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 140. Л. 188–195.

⁴¹ Декрет об охране библиотек и книгохранилищ Российской Социалистической Федеративной Советской республики // Декреты советской власти. Т. III. — М., 1964. — С. 41.

⁴² «Так и живем изо дня в день». Дневник *И. И. Проходцова*. Март — июль 1919 // Страницы былого. Дневники, мемуары, свидетельства. — Рязань, 1998. — С. 112.

⁴³ ГАРО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 13. Л. 28.

⁴⁴ Научный архив Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 162, 163.

⁴⁵ *Фирсов С. Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). — М., 2002. — С. 546.